

Виктор Ерофеев — один из лидеров литературного хит-парада текущего года, роман его «Русская красавица» издается сейчас в 22 странах (включая Россию). Взболтаем «старые дрожжи» — ерофеевское изобретение эпохального самиздатского альманаха «Метрополь» в 1979 г.; подмешаем новейшие скандальные инъекции вроде отпевания советской литературы («Литературная газета» № 27, 1990 г.) и прочие улики, выдающие в нем сноба, эстета, индивидуалиста — и вот готов веский перечень причин, почему именно Виктор Ерофеев вам необходим в амблуга комментатора текущего момента.

Сказано сверху: 500 дней, товарищи, перекапываться, продержаться, пережить, а потом можно начинать жить. Для истории 500 дней — миг, но в пересчете на душу населения это — полтора года — шестикратная смена сезонов и мод: забеременеть и родить, если женщина, построить дом и посадить дерево, если мужик... да мало ли что еще?! И вот эдакую неслабую порцию среднестатистической жизни предложено добровольно заложить в ломбард будущего...

Я на любые программы годеи и согласен, но только чтобы свой срок проживать, а не переживать. Мне не так уж и много отпущено, чтобы проскакать не глядя даже и самые затрапезные полустанки своей биографии. Видите ли: листопад, прогулка с дамой по аллеям, беседа с другом за бокалом вина... для меня все это тоже этаканые события, вполне как рыночная экономика или конвертируемость рубля. Но у меня такое ощущение, что мы как-то потеряли интерес к самим себе, оттого-то поршень политики запросто высасывает наши души в общественный вакуум. Сказано: только вместе, только взявшись за руки, только коллективно. Значит, снова разгерметизация личности, космическая пустота площади, братская могила толпы. Хватит! И бросаешь задривать люки, дабы среди всеобщих растрат хотя бы себя по миру не пустить, а то ведь останешься ни с кем...

Виктору Ерофееву по части герметизма и самозащиты от диктатуры окружающей жизни есть чем поделиться. Десять лет назад в теплой компании двух дюжин маститых и молодых прозаиков и поэтов он попытался заслониться от безвременья обложкой неподцензурного «Метрополя». Извлекли они из-под полы свою же литературу, размножили на машинке, случайно издались на Западе, тут же попали под массивный артобстрел власти, а потом целую пятилетку залечивали раны и контузии. «Брежнев-

ская власть была дохлая, старперовская, но от этого ядовито-гниусная, как осенняя муха, которая плохо летает, но больно кусает», — говорит Ерофеев и еще говорит, что защита не удалась. А я с ним не согласен, настаиваю, что удалась, потому что была навязана эпохе своя игра, свой календарь, и теперь уж «Метрополь», а не двадцать какой-то съезд причислен к истинной, не шулерской истории. Дескать, говорю, «метрополевцам» впору какой-нибудь «алмазный орден перестройки» с лентой через плечо. Герои ж! Хмыкает Ерофеев, морщится, отмахивается, закуривает:

— Это не семь лет ГУЛАГа... Тоже мне героизм... Да и никакой особой системы противостояния у нас не было. Мой «вывих» вообще сугубо индивидуальный. В том, что я оказался такой независимый, «виноваты» мои родители: они всегда оставляли мне возможность спорить с самим собой, не давали авторитетом. Отец в конце сороковых был помощником Молотова и переводчиком Сталина с французского, потом работал дипломатом во многих странах...

— Ага, вы — из «золотой молодежи»?

— Именно так. Поэтому мне многое сходило с рук, семейная защита выдерживала немалые нагрузки. Я писал, что хотел. Встречался на Западе с теми, чьи имена в Союзе из опаски даже не упоминались... Но все же есть предел: когда в США напечатали «Метрополь», отец работал послом в Австрии. Его вызвали в Москву «на ковер» и пригрозили: или сын пишет отречение, или ты обратно не вернешься. Так отец потерял из-за меня работу.

— Генетическая закуска — это замечательно... Но на что опереться тем, кому не так потрафило с родителями?

— Времена тоже учат, это неплохой

спарринг-партнер. Чем дальше, тем больше возникает у меня ностальгия по семидесятым...

— ...в которые вашу прозу не печатали, выпустив только в 1988 году, когда вам стукнуло...

— ...сорок. И все равно была тогда некая легкость, безответственность по отношению к свободе, которая попросту отсутствовала. А реализовываться всегда проще в ограниченном пространстве, хотя это и видимость реализации. Вот мы говорим о защите... Защите от чего? Грех русской культуры — абсолютная беспомощность перед свободой. Интеллигенция сегодня растерялась от уникальной для советской — да и для русской — истории дозы свободы. Нырять в свободу смело, думать дню будет, а дна все нету. И «оттепельная», «прогрессивная» литература потонула, потому что сейчас никому уже не интересны ее фиги в кармане, ее игры с цензурой. Пиши что хочешь! А не пишется, ведь либеральная культура существует благодаря запретам, а не вопреки, опирается на них. «Поднять планку», «расширить границы дозволенного» — все это чушь собачья, потому что настоящая культура существует только на уровне экзистенции, жизни и смерти...

— Вероятно, это блестящие теории... Но знаете ли, Виктор, по моему, сегодня рассуждать о кризисе либеральной культуры — все равно, что на гибнущем «Титанике» сидеть спокойно в конференц-зале и слушать лекцию о том, какие бывают на свете айсберги. Я читателю посулил, что ему объяснят правила индивидуального спасения независимо от того, в каком классе он едет.

— Не бывает всеобщих рецептов, надо каждому разобраться, в каком он классе. Многие наши беды от тяги найти универсальные спасательные средства, а ведь явно существует разделение на интеллигенцию и народ, на две культуры — потому и ноги у нас разъезжаются. Смотрите, как интеллигент общается с народом: он подстраивается, играет, имитирует то, что ему несвойственно. Честнее, если каждый останется при своем языке.

— Ладно, давайте проанализируем интеллигенцию: что же с ней происходит?

— В интеллигентском сознании сейчас полный крах иллюзий, порожденных прошлой несвободой. Несвобода — штука каверзная, она не только упрощает жизнь, но и навязывает всякие мифы. В первый раз интеллигенция попала в ловушку во время первой русской революции 1905 года, когда увидела любимый народ во всей его кровавой красе, ужаснулась и родила сборник статей «Вехи» — по моему, лучшее, что ею создано... Теперь снова попались: считалось, что есть несчастный, забытый народ-богоносец, «невольник коммунизма», что надо только освободить его от неправильного коммунистического строя, а дальше все само собой расцветет. Выдумали легенду про «маленького человека», что вот он затравленный такой, а на самом деле у него душа добрая. Да не фига! Бандит это со своими комплексами, с двойным дном, о чем еще Достоевский в «Записках из подполья» предупреждал... Но у нас ведь какая теория? Что мы все несправедливо живем, а они (некий условный народ) — праведно. Отсюда и Солженицын весь, и много чего еще... И вдруг сегодня все рушится: полезли какие-то свиные рыла, агрессивные, неуправляемые, а интеллигенция обижается: ой, дак как же это? Обманули!

— Что же, от собственного народа надо защищаться, выходит? — При чем здесь народ? Многие черты русского народа, безусловно, симпатичны, но не надо пририсовывать всем нимбы святых. Сами себя обманули, избавляться надо от иллюзий! Говорят: народ за Ельцина, Ельцин самый радикальный, значит, народ за прогресс. Да ничего подобного, народ за тех, кто укажет Эльдорадо. И неизвестно, что будет при рыночном строе, когда на самом деле надо работать, когда надо полностью отторгнуть лень...

— Избавляться от иллюзий! Они не при Хрущеве возникли, они ого-го каких стародавних корней! Радищевских... некрасовских... Все они во имя светлого будущего к топору звали.

— Это беда русской истории. Не только коммунизм грезит будущим. Социальное положение почти всегда было гнетущим, и казалось, что завтра будет непременно лучше, чем сегодня. Так в русском сознании прочно укоренилась философия надежды, которая нас и погубила. Философию надежды исповедовала вся классическая русская литература, даже и Достоевский со своим «новым человеком», которому только надо встать на монастырскую дорогу... Именно литература, на мой взгляд, породила определенный тип мышления, особый склад национального сознания, устремленного к идеальным образцам. Нелепость, хаотичность, беспорядочность жизни оце-

нивались в литературе как явления случайные, временные, неподлинные, обусловленные конкретными обстоятельствами общественного или психологического порядка: царь плохой или министр. Эти обстоятельства могут и должны быть устранены, а с их устранением наступит рай. Буквально в каждой строчке видна проекция в будущее, неудовлетворенность настоящим, требование перемен. В этой неудовлетворенности, непримиримости по отношению к пороку — источник энергии наших бунтов и революций.

— А! Значит, литература во всем виновата! Да... Признаться, удивительно мне, что вы, с репутацией тонкого эстета, признаете возможность какого-то влияния литературы на жизнь. Мне-то казалось, что если литература для чего и годится, так разве чтобы забаррикадировать свой внутренний мир, заполнить его кислородом... И потом, разве же стремление к лучшему свойственно только русским? Разве это не общечеловеческая черта?

— Философия надежды — абсолютно антизападная. На Западе люди четко уверены, что те контуры человеческой природы, которые уже существуют, — они очень стабильны и никакие «завтра» и «послезавтра» их не размоют. Это неизменная данность, константа.

— Кроме литературы, есть еще и христианство с его проповедью совершенствования человека!

— Как раз в католической церкви оставлен зазор между человеком и Богом. А православие всегда рвется к подражанию реальному Христу, утверждая, что человек может достичь такого совершенства, что будет с Христом прямо запанибрата. У нас это тоже вывилось источником русского коммунизма. Западная традиция не признает такого амикошества с Богом.

— Философия, литература, церковь: получается, что кругом одни тупицы и никакого света в конце тоннеля. А ежели к тому еще экономисту присовокупить... В общем, «эх, ребята, все не так?»

— Я понимаю, мы сейчас в таком крутом революционном развороте, что как бы не до таких вещей, как тонкий анализ национальной души. Тем не менее это необходимо сделать, потому что душа запущена, захламлена... Ревизию бы произвести, суботник, что ли. Ведь от душевной неорганизованности проистекают наши панические настроения. Где-нибудь во Франции, скажем, где все читают газеты, все информированы, там невозможно убедить кого-либо, что вот близится конец света. Сильная культура держит, не дает вырваться на просторы апокалипсиса... Надо нам избавляться от иллюзий, о которых я говорил; надо разобрататься, к чему мы принадлежим — к Западу, к Востоку?

— Три века голову ломали — не разобрались!

— Пора бы определиться. Где мы находимся? У нас есть заносчивый зуд сравнивать себя с Америкой. Может, давно пора уже равняться на Индию, которая, кстати, куда более динамичная страна, чем мы? Поскромнее надо быть. Полезно, что нет хлеба, сигарет, мяса — чтобы понять, на каком уровне мы на самом деле находимся, откуда приходится стартовать. Но главное — хватит уже спасать Россию, не работают давно все эти красивые жесты, пора отказаться от утопического русского коллективизма. Всеобщего счастья в принципе не предусмотрено, а настоящего коллектива никогда не было. Надо разомкнуться на индивидуумы, чтобы из толпы превратиться в общество. Каждый выживает в одиночку...

...Героиня ерофеевского бестселлера «Русская красавица» решила спасти Россию — такая Жанна д'Арк а-ля рюс. Для чего бегала голая в сумерках по полю, надеялась услышать глас Божий. Ничего у нее не вышло, потому что неча за других решать, коли с собой разобрататься не можешь (эту мораль из романа Виктора Ерофеева я вывел, чтобы зацементировать его суждения). Много была обещана демонстрация приемчиков духовной самообороны, но тут — кто как умеет, у каждого своя школа. Лично мне наскучило быть заложником будущего, надоело видеть брезгливое пренебрежение к данным обстоятельствам времени и места. Мне больше не хочется торопить, подталкивать жизнь, звать слома голову... Куда? Вот выбор: мы в аду, но — живы, дальше рай — но без нас. Может, попытаться закрепиться в настоящем времени? Вести частную собственность на личную жизнь? Переоборудовать «единое человечье общежитие» в частные дома-крепости? Возлюбить самого себя, чтобы научиться любить ближнего? Иначе от нашей эпохи останется только скромный постскриптум к Пушкинскому «Борису Годунову»: «Народ шумит, но человек безмолствует, потому что весь ушел в народ».

Беседовал Игорь Мартынов.

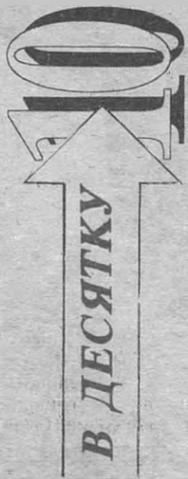

Фото Александра Ефремова.

Виктор Ерофеев:

«КАЖДЫЙ ВЫЖИВАЕТ САМОСТОЯТЕЛЬНО»

Краткий курс индивидуальной обороны от хаоса внешней жизни

346

Ерофеев В. Виктор. Выжил ли выживший? 1990